

Далече от Рима

Дом Епанчиных зябко краснеет на берегу старой кирпичной кладкой. А перед домом, на манер цыганских времянок, вразнобой громоздятся деревянные сараи, покрытые выцветшим рубероидом и заплатами из ржавого листового железа, которые придают им вид давно махнувших на себя уличных бродяг. Наверное, этим потрепанным временем халупам самонадеянно кажется, что они всегда «красовались» тут, заслоня собой вид на синюющую под мостом Мсту с облаками цветущей сирени на том берегу.

Берег тот кажется отсюда недосыгаемым, и если бы не мост, стальным коромыслом переброшенный с берега на берег, можно было подумать, что там течет какая-то иная, уже отшумевшая однажды жизнь, о которой на этой стороне не ведает никто.

Наверное, так же люди вглядываются в вековую даль, пытаясь разглядеть в той зыбкой, неясственной дали очертания собственных судеб, перемолотых бездушной машиной истории. Но ничего, кроме отцветающей сирени, запах которой туманит голову, смутно напоминая детство, узреть никому не дано.

«Все проходит, все уходит, все пропадает, тает, тает, тает...» - чугунной скороговоркой частят колеса, и поезд, уходящий в прошлое, перебивая себя на стыках, мчится в ночи, мелькая освещенными окнами и оставляя позади спящие леса, безмолвные станции и полустанки, бесконечную тьму прожитых дней и ночей. И в этой слепой, безликой мгле тускло, как зарево гаснущего заката, как свет забытых керосиново-калильных фонарей, вспыхнут и засияют в памяти живые картины из того непостижимо далекого детства, которое навсегда осталось за пылающей гранью войн и революций.

Тогда никто не величал барона Эдуарда фон Фальц-Фейна его звонким титулом (да он и не был тогда бароном), а звали его по-домашнему Олегом. Имя это нравилось его матери Вере Николаевне, урожденной Епанчиной. Им и нарекли его при крещении в православную веру, оставив в метриках светское имя Эдуард.

Однажды, когда ему было около года, она усадила их с сестрой Таисией в плетеное кресло, и они, тесно прижавшись друг к другу, улыбались, щурясь от яркого крымского солнца, не подозревая, что этот миг застынет на любительском снимке навсегда. Снимок этот с размашистой надписью от руки «Май 1913» хранится теперь в семейном альбоме Эдуарда Александровича на его благополучной вилле «Аскания-Нова» в столице княжества Лихтенштейн городе Вадуце вместе с другим снимком, где он, уже четырехлетний, гордо восседает на спине покладистой ручной антилопы.

Родился барон в херсонской деревне Гавриловка, по соседству с всемирно известным теперь заповедником Аскания-Нова, созданным его знаменитым дядей Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном. Пять детских лет провел он в ковыльных степях среди сказочных животных и птиц, собранных здесь со всего света. Едва выучившись ходить, он уже катался с отцом или дядей на зебрах и антилопах, не видя в том ничего особенного.

Накануне первой мировой войны, в апреле четырнадцатого года, заповедник посетил государь-император. К его приезду Фридрих Эдуардович распорядился составить точный систематический каталог всех млекопитающих и птиц, которые постоянно обитали здесь или, как перелетные птицы, бывали тут в качестве гостей. В этом списке значится более четырехсот представителей фауны: от верблюда и большого рыжего кенгуру до полевого воробья и пefили острохвостой. Благородный олень, псевдакис кинжалоподобный, косуля, беломордый бубал, черная антилопа, джейран, сайгак татарский, аравийская скальная газель, азиатский буйвол, американский бизон, трансваальская зебра, лошадь Пржевальского, патагонский заяц, степной сурок, австралийский страус... Простое перечисление этих удивительных животных звучит как стихотворение в прозе. А какие там были птицы! Серебристо-розовая чайка, крачка черная, клуша, гарельда ледяная, хохлатая чернеть, шилохвость, мускусная утка, канадский гусь, морской зуек,

поручейник, большой кроншнеп, орел-могильник, ястреб-перепелятник, болотный лунь, пустельга, черный стриж, козодой...

Пораженный этим необыкновенным для безводной степи разнообразием, царь, прибывший со свитой на трех сверкающих никелем автомобилях, писал потом матери, императрице Марии Федоровне: «Удивительное впечатление, точно картина из Библии, как будто звери вышли из Ноева ковчега! Оттуда мы отправились в его прелестный парк, который Фальц-Фейн посадил в 1888 году, когда он нашел у себя воду. Здесь растут все наши северные кусты и деревья, что тоже странно в степи. Потом на моторе я объехал его огромное стадо овец, коров с зубрами и бизонами, у которых идет отличная порода, лошадей, зебров и верблюдов. Эти стада и табуны пасут полгода в степи, далеко от его дома, и он нарочно для меня приказал подогнать их поближе».

Маленькому Олегу-Эдуарду было тогда всего два года, но он запомнил и несколько нервную атмосферу напряженного ожидания и ту праздничную, высокаторжественную суету, которая сопровождала приезд государя. Гораздо позже он узнал, что после этого визита семье Фальц-Фейнов за заслуги перед Отечеством было пожаловано потомственное дворянство. Это был семейный триумф, счастливый итог многолетних неустанных трудов. И ничто не предвещало впереди той погибельной череды событий, которые последовали за разразившейся вскоре войной и революцией.

Всё это большое, хорошо налаженное хозяйство, включающее в себя, помимо всего прочего, стада особой, выведенной Фридрихом Фальц-Фейном породы овец, табуны лошадей, пахотные земли, засеянные пшеницей, рожью, ячменем, овсом, льном и просом, - все это в восемнадцатом году было разграблено, растащено и разорено сперва революционным отрядом «конных матросов», отличившихся лихой рубкой гусиных голов и стрельбой из полевого орудия по табуну породистых лошадей, потом другими революционными отрядами, каждый из которых вносил свою лепту в разрушение заповедника. Когда на Украине вспыхнуло и разгорелось пламя гражданской войны, Аскания-Нова несколько раз переходила из рук в руки. Были здесь и немцы, и белые, и красные... В девятнадцатом отступавшие красноармейцы ни за что ни про что расстреляли восьмидесятилетнюю хозяйку имения Софью Богдановну Фальц-Фейн, бабушку Эдуарда Александровича...

Так Фальц-Фейны стали изгнанниками, «самогнанцами в даль, в чужбу»...

Путь скитаний, полный мытарств и лишений, начался для них с болгарского судна «Рой Фердинанд», плававшего под французским флагом. Когда до Константинополя было рукой подать, перегруженный беженцами пароход наткнулся на мины и едва не затонул в виду Босфорского залива.

Константинополь, Рим, Берлин, Ницца... Менялись страны, менялись города, не менялось только чувство неизбывной тоски по утраченной Родине, которое в конце концов и свело до срока в могилу и Фридриха Эдуардовича (дядю Федю) и его брата Александра, отца Эдуарда Александровича, и многих их родственников из Фальц-Фейнов и Епанчиных. Сам он ощутил всю тяжесть эмигрантской доли малолетним ребенком и, как бы благополучно ни складывалась потом его необыкновенная судьба, ни единого дня не чувствовал себя свободным от той неизбывной, знакомой любому изгнаннику печали, которая с годами становится еще болезненней и острее. Расхожий диагноз «ностальгия» ничего не объясняет и ничем не облегчает жизнь страдающих этим странным недугом людей. Он возник не вчера, и много раз Эдуард Александрович мог воскликнуть вслед за безвестным римским воином, описанным Плутархом: «Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом».

Таким Римом стал для него столичный город княжества Лихтенштейн, пятитысячный Вадуц, где он отстроил из белого камня свою «Асканию-Нову», напоминающую прежние владения Фальц-Фейнов тем гостеприимством и хлебосольством, с которым хозяин принимает своих гостей. Особенно, если это гости из России. Кто только не перебивал за последние десятилетия на вилле русского барона, единственного русского, кстати сказать, во всем княжестве Лихтенштейн! Не раз останавливался здесь известный советский писатель Юлиан Семенов, из книг которого

лет двадцать тому назад я и узнал о существовании барона, никак не предполагая тогда, что судьба готовит мне неожиданную встречу с ним - и где? - в провинциальных Боровичах! О том, сколь горек оказался для него визит на земли своих предков по материнской линии Епанчиных, было рассказано в газетной публикации. Да и сам он, получив по почте вырезку из газеты, немедленно позвонил, сообщив, что по возвращении в Вадуц, долго не мог прийти в себя от увиденной на Родине разрухи:

- Я приехал из Боровичей больной, я был никуда не годный, - говорил он сбивчиво, не скрывая горечи и печали. - Ведь я ехал туда с любовью и радостью, я думал увидеть дом моих предков в Самарино, я хотел увидеть там хоть что-то, хотя бы камень... Но ничего, ничего нет... Только дом родственников моего деда в Боровичах. Я не ожидал. Мне никто этого не говорил. Все пусто. Правильно сказал ваш друг Бриккер: не ходи туда, там ничего нет. Я болел потом здесь в Лихтенштейне. Мне было плохо с сердцем. И если бы не статья в вашей газете, мне было бы совсем плохо. Спасибо, спасибо вам, милые люди!»

И вспомнился мне тот его давний визит...

Гость появился внезапно. Коротко звякнул в передней звонок, хлопнули одна за другой двери, прошуршали по мраморному полу шаги, и легкой стремительной походкой в сумрачный кабинет вошел высокий статный старик, сопровождаемый прибывшими с ним людьми. Пока все знакомились, так и не разобравшись толком кто есть кто, пока рассаживались по стульям, креслам и диванам, барон раскрыл серую папку и высоким взывающим голосом спросил:

- Вы не хотите показать мне дом Епанчиных в Сан-Марино? Нет? Не в Сан-Марино, а в Самарино? Я неправильно говорю? Вы меня поправляйте, я могу ошибаться. Я старый человек... А сейчас я подпишу вам книгу моего деда, генерала Епанчина, он был директором Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге. Называется она «На службе трех императоров». Я издал ее, как он и просил, когда власть большевиков кончилась, и Россия снова стала Россией. И еще я передам вам книгу о Владимире Набокове (он мой кузен, здесь много о нашей семье), и книгу о заповеднике Аскания-Нова. Заповедник основал мой дядя, Фридрих Фальц-Фейн. Я успел там родиться, и меня там, совсем маленьким, крестили... Это было так давно! А теперь я хотел бы посмотреть все, что осталось от Епанчиных. Вы говорите, есть дом в Боровичах? Это далеко? Мы туда пойдем?

Дом на Троицкой, куда сто с лишним лет назад приезжал погостить молодой выпускник Павловского училища Николай Епанчин, был все еще добротен и неколебим. Но, основательно переделанный, разгороженный, как придорожный трактир, на комнаты и клетушки, он уже мало напоминал тот просторный барский особняк с балконами и парадными лестницами, которым был когда-то в незапамятные времена.

Скрипнув калиткой, мы вошли во двор, мощеный камнем. Тесно заставленный сараями, он был узок и мал, как чулан. От поленниц, редурами выставленных по периметру двора, наносило винным запахом колотой ольхи, ветер меланхолично шевелил белье, развешенное на веревках, у раскрытых ворот дощатого гаража хозяин и хозяйский сын возились с мопедом... Наверное меньше всего ожидали они встретить в этот полуденный час, в этом пропахшем щепой и опилками дворе барона из Лихтенштейна, оказавшегося к тому же потомком прежних хозяев. Они оторвались от своего занятия, с недоумением наблюдая, как он, в своем сером, отменно сшитом костюме с белым шелковым галстуком под белым воротником, нервно ходит взад и вперед вдоль стен неузнаваемо перекроенного дома.

Он смотрел на окна, местами сохранившие оттенки прежних архитектурных изысков, переводил взгляд на балконы, один из которых, с прекрасным видом на Мсту, еще был цел, а другой уже был разобран, напоминая о себе лишь торчащими из стены стальными балками да белым пятном некрашеной обшивки, он искал и не находил следы той промелькнувшей здесь жизни, о которой столько слышал, столько читал и встречу с которой так живо себе представлял... Все было не так. И даже для него, часто бывавшего в России человека, многое оставалось неясным, запутанным, непонятным.

Поначалу он с детской наивностью без конца вопрошал: «Почему в музее ничего нет о Епанчиных? Ведь эта семья дала России трех адмиралов, двое из них отличились при Наваринском сражении...» «Почему не сохранились усадьбы в Маринско, Самарине, Тихотицах и Гусеве?» «Почему кругом так много руин, ведь здесь не было войны, не было немцев?.. Кто все это разрушал и почему никто за это не наказан?»

Но чем дольше мы ездили мимо развалин сенных сараев и ферм, мимо нищих, отживающих деревень, чем дольше бродили меж разбитых гранитных надгробий и плит, пытаясь разобрать выбитые на них эпитафии, фамилии и имена, тем меньше оставалось у Эдуарда Александровича вопросов, тем резче залегали горькие складки в уголках скорбно сжатого рта, тем больше печали стыло в его синих усталых глазах.

- «Карль Аполлонович Гриссерь» - читал он на памятниках - «Евгений Петрович Арцыбашев...» - Это всё известные фамилии. Эти люди учились в Пажеском корпусе... Мне знакомы их имена. Почему разрыты их могилы? Здесь что, искали золото? Какая глупость!

Маленькое, заросшее сиренью и бузиной кладбище напоминало поле недавно отгремевшего боя. Поверженные, с оббитой эмалью, кресты и памятники валялись где попало, истоптанные козьими копытами могилы едва угадывались на растерзанном лице матушки-земли. Ограды кладбище не имело, и по нему вдоль и поперек, как по заплыванному привокзальному скверу, змеились тропинки.

Кладбище испуганно жалось к стенам каменной церкви, известной тем, что в ней когда-то был крещен младенец, нареченный Николаем. Звучная фамилия того горластого младенца, рожденного в семье инженера-путейца, позднее стала известной всему миру. Именно здесь, в Шегринской волости Боровичского уезда, был крещен будущий знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Но церкви его звонкое имя не помогло. В числе прочих она была безжалостно разгромлена, растащена и разбита в годы воинствующего атеизма.

Грустно наблюдать картину повального разрушения. Вдвойне грустно видеть ее глазами неравнодушного к России человека, который все делает для того, чтобы помочь своей бедной, истерзанной Родине чем только возможно. Рыская по всем аукционам мира, Эдуард Александрович Фальц-Фейн скупает некогда принадлежавшие России картины и скульптуры известных мастеров, старинные книги, иконы, ордена... И безвозмездно возвращает их тем музеям и картинным галереям, откуда все это в разное время было изъято, вывезено, а то и просто украдено.

Принимая эти бесценные дары, нелишне вспомнить, как много сами мы (по глупости, по недомыслию?) успели развеять по ветру - как прах, как дым... И не этой ли прогорклой горечью отдает сегодня дым нашего бедного отечества?

«Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскину шатер, и этот шатер будет мне Римом...» - Вновь и вновь приходят на ум слова безвестного римлянина. Много разного народу перебивало в Литхтенштейнском «шатре» «Аскании-Нова». В девяносто четвертом году барона Фальц-Фейна посетил премьер-министр Черномырдин, вручивший Эдуарду Александровичу орден Дружбы народов, два года спустя здесь побывал, будучи тогда министром иностранных дел, Евгений Примаков, гостем барона был нынешний глава дома Романовых Николай Романов... Этот увешанный старинными картинами и заставленный связками антикварных книг дом, расположенный в близком соседстве с замком князя - частица России, ее полномочное представительство. Именно так. Ни больше, но и ни меньше.

В сорок пятом, когда Эдуард Фальц-Фейн прибыл сюда никому не известным молодым человеком, никакого «шатра», никакой крыши над головой у него здесь не было. За плечами был институтский курс, карьера спортивного репортера, слава чемпиона Франции по велоспорту, к тому времени уже изрядно поблекшая. Из имущества у него был велосипед да баул с бритвенными принадлежностями, связкой книг и сменой белья.

С этим более чем скромным багажом, заручившись поддержкой князя, давно знавшего семью Фальц-Фейнов, он и начал свое дело, которое очень скоро сделало его известным. Он развернул в тихом провинциальном Лихтенштейне индустрию туризма, до

него пребывавшую в состоянии глухой медвежьей спячки. Замысел был более чем прост: включить княжество в туристскую обойму Западной Европы, сильно пострадавшей от бомбежек минувшей войны. Это ему удалось. Сеть фирменных сувенирных магазинов и магазинчиков, открытых в самых оживленных местах княжества и за его пределами, где с раннего утра до поздней ночи за умеренную плату можно купить не просто безделушку на память, а маленькое произведение искусства, хорошо известна всем, кто хоть раз пересекал границу Лихтенштейна со стороны Швейцарии или Австрии. Туристы приносят княжеству немалый доход.

За это Эдуард Александрович получил в Лихтенштейне титул барона с приставкой «фон», делающей его старонемецкую фамилию еще более пространной и звучной.

Но жизнь его и после присвоения титула осталась прежней. Как и прежде, он в трудах и заботах, как и прежде, хлопочет то о возвращении на Родину того, что было когда-то вывезено оттуда или украдено, то об увековечении памяти генералиссимуса Суворова, с боями прошедшего со своей армией двести лет тому назад по дорогам и тропам Италии и Швейцарии...

Семейная жизнь у Эдуарда Александровича не задалась. С женой они давно расстались, дочь Людмила, ни слова не говорящая по-русски, чудачеств отца не разделяет, живет своей жизнью, а внук и правнуки навещают деда лишь от случая к случаю. И в большом своем доме, когда завывает за окнами налетающий с гор ветер, долгими зимними вечерами он остается один на один со своими мыслями и воспоминаниями, которые все чаще зовут и манят его на тот залитый солнцем берег, в ту далекую прекрасную страну, где дикие антилопы доверчиво подходят к людям и, склонив рогатые головы с большими печальными глазами, осторожно подбирают с детской руки крошки теплого русского хлеба...